

ИНТЕРВЬЮ С ЭЛЬЗАСЦЕМ ПО ИМЕНИ ГУСТАВ (GUSTAV), СЛУЖИВШИМ В *WAFFEN* SS

Как вы оказались в германских вооруженных силах?

Я работал на небольшой фабрике в городе Мюлуз/Mülhouse. Этот город был центром провинции Эльзас, расположенный между Вогезами/Vosges и Рейном. Семья моей жены содержала гостиницу, и мы жили за счет этого бизнеса. Немцы пришли в 1940-м, но это не имело большого значения, так как это постоянно происходило в Эльзасе: Германия, потом Франция, потом Германия, потом снова Франция. Мой сын родился в ноябре 1941 г. Немцы заставили нас дать ему немецкое имя. Моя жена хотела назвать его Жераром (Gerard) в честь своего отца, но нам пришлось назвать его Bernhard. Пока я трудился на фабрике, вокруг моей жены крутились немцы, останавливавшиеся в гостинице. Как-то я вернулся домой, чтобы переодеться, и увидел, что один из них сидит у меня в комнате и болтает с моей женой. Ничего дурного в этом не было. Я пошел в свою спальню, чтобы переодеться, и обнаружил на моем гардеробе его головной убор. Ну я взял его, пошел в кухню и закинул в печку. Я столкнулся с ним, когда он спускался с лестницы в гостиницу, и отметелил его (*gefügig machen*). На другое утро я был арестован и брошен в тюрьму. Это случилось в январе 1943 г. В марте или апреле в тюрьму пришел офицер *Waffen SS*. Он прошелся по ней, заглядывая в камеры, и решил зайти в мою. Я был ростом 180 см, блондин с голубыми глазами, довольно мускулистый парень. То есть, то, что им было нужно. Он и сам выглядел эффектно в кожаном плаще, элегантной униформе и в перчатках. Войдя, он спросил: «Хочешь выбраться отсюда?» - Разумеется, я сказал: «Да!» После этого он сказал, что может вытащить меня отсюда для того, чтобы я вступил в *Waffen SS*, и добавил, что тюрьма – не место для крепкого *германского* парня. Он спросил, хочу ли я сражаться против большевиков? Само собой, я ответил утвердительно, поскольку хотел выбраться оттуда. Так я оказался в военном лагере неподалеку от Праги, в Чехословакии.

Расскажите о боевой подготовке.

Как-то мы проходили осмотр (*Appell*). Одна из пуговиц на кармане моего кителя была пришита не очень крепко и болталась на нитке. Obersturmführer подошел ко мне и сказал: «Твоя форма не в порядке.» Я ответил, что не думаю, что такая мелочь имеет значение. Он заорал на меня: «Ты думаешь? Тебе не полагается думать! Оставим раздумья лошадям, потому что их головы больше твоей!» После лагеря я отправился на Восточный фронт.

В какой части вы служили? Какой была ваша должность?

Я служил в 3-й роте полка *Deutschland* 2-й Дивизии SS. Дивизия именовалась *Das Reich*. Эта дивизия «прославилась» во Франции. Летом 1944 г. солдаты этой дивизии совершили убийства [мирных жителей] в провинции и в районе города Лимож (Limoges). И по сей день во Франции есть места, где из-за этого недолюбливают эльзасцев... Ну а обязанностью моей была переноска пулеметной треноги (*Dreibein*).

Как шли дела тогда на Восточном фронте?

В ту зиму Иваны косили нас одного за одним. Нам крепко доставалось. Погода тоже была отвратительной. Потом многих парней из нашей дивизии начали отправлять обратно во Францию на отдых. Но не нас ... Нам сказали, что мы не пробыли на фронте так же много времени, как другие, но мы знали: так было потому, что мы были эльзасцами. С фронта снимали немцев, а оставляли эльзасцев, чехов и тому подобное.

И тут началось наступление русских. Красная Армия просто разметала нас. Я выбросил свой пистолет и снаряжение и спрятался под мостом, прямо в ледяной воде. Русские промаршировали по мосту, после чего я выбрался наверх и начал искать безопасное место для себя. Начался артобстрел – тяжелые снаряды начали рваться вокруг со звуком *ПШШШШ-ТУМ!* Я было подумал, что моя песенка спета, но тут рядом со мной остановилась наша бронемашина (в оригинальном тексте – *Panzer*). Один из парней помахал мне рукой и сказал, чтобы я залез в машину. Я так и сделал, но уже вскоре в бронемашину угодила вражеский снаряд, и меня тяжело ранило: мой бок и ногу посекло осколками. Однако, эти парни дотащили меня до полевого госпиталя, потом я оказался в другом госпитале, в Праге, почти там же, откуда начинал. В конце войны всех пациентов перевезли в какой-то лагерь в Австрии.

Где вы были, когда закончилась война?

Все в том же лагере в Австрии. Я скакал на своих костылях, когда французская воинская часть вошла в этот лагерь. Въехал танк, открылся люк, и из него появился человек. Он сказал по-эльзасски: «Густав, это ты, что ли?» Это был бойфренд моей сестры Андрэ. Он узнал меня, но я не узнал его. Как-то он узнал, где меня можно было найти. Андрэ подвел меня к своему командиру, который сказал следующее: «Какого черта ты делаешь в SS? Держи рот на замке, или ты об этом пожалеешь.» Они отправили меня прямо домой. Мне повезло, потому что многие из моих товарищей отбыли большие сроки во французских тюрьмах ...

Когда я вернулся домой, наша гостиница лежала в руинах, а мои родственники жили в подвале. В нем было холодно и сыро. Мой сын умер от легочной инфекции из-за этих условий. Моя жена пропала – она уехала в Германию до того, как пришли союзники. Я об этом ничего не знал, потому что не получал никакой почты. Я пытался найти свою жену на протяжении нескольких лет после войны, но все без толку. Думаю, она могла погибнуть в Берлине в 1945-м. Я был в депрессии, все рассыпалось в прах. Мне приходилось помалкивать о том, что я делал во время войны. Моя бабушка всегда говорила: «*Kopf Vor!*» (*Heads up!*). Да, человек может пережить почти все.

Даже сейчас во Франции лучше не говорить ни с кем о военном времени. Ветераны 2-й Дивизии SS проводят встречи, но я ни разу не участвовал в них. У моего (вероятно, фронтового – *ВК*) друга была хорошая работа в государственном учреждении, пока он не съездил на одну из таких встреч. Кто-то узнал об этом, и он потерял свое место. Если бы о моем прошлом узнал кто-то из моих клиентов по бизнесу, он, вероятнее всего, не стали бы иметь дела со мной.

Как относились к эльзасцам в SS?

Да где-то так же, как и ко всем остальным. В SS было полно парней, рожденных за пределами Рейха. Иногда поругивали наш диалект. У меня не было проблем с пониманием немецкого, но иногда было трудно говорить так же, как обычный немец. Мне было жалко некоторых чехов: некоторые из них говорили по-немецки лучше меня, но некоторые из них едва понимали, что говорил им я. По какой-то причине немцы считали, что чехи были лучшими солдатами, чем эльзасцы. Вероятность того, что чеха продвинут по службе, была выше, чем у нас. Можно было наткнуться на парней из армии, которые говорили: «О, в SS берут эльзасцев! Это хорошо! Пускай берут. Нам вы не нужны!» Ну а сержанты орали на всех без разбору. Допустим, сидим мы в лесочке, только что спасли свои шкуры от Иванов, а они тут как тут и орут: «Подъем, *Faule Hunde* (*ленивые псы*)! Работать! Укрепляйте позиции!» Вот так они нас называли: «*Faule Hunde*.» Ха-ха...

Чем вас кормили в SS?

Вы когда-нибудь слышали про *Frontkameradensuppe*? Иногда мы едим его и теперь, из ностальгических чувств. Его варили из фасоли, картошки и ветчины. Предполагалось, что он хорош для холодной погоды. В теплую погоду в него добавляли немного уксуса, чтобы он не портился слишком быстро и был повкуснее в холодном виде. Получаешь этот суп в свой котелок (*Feldtopf*) идешь есть. Ешь или теплым, или холодным. Кроме того, давали капустный суп и жаркое (*Eintopf*).

Был у нас солдат по фамилии Гэнценбиттель (*Gaenzenbittel*), который вечно был голодным. Как-то он забрел в нашу избу, чтобы покланить еды. Я сказал ему подождать минутку. У меня под рукой был горячий соус из свеклы и редьки. Ну, дал ему кусок хлеба, на который был намазан толстым слоем этот вот хрен. Гэнценбиттель воскликнул: «*Thunderation* (Гром и молния)! Яблочное масло!» и проглотил все это. Видели бы вы его рожу. Могло показаться, что он проглотил гранату, ха-ха! Глаза у него стали как тракторные колеса, он стал метаться и орать: «Воды! Воды!» Кто-то подал ему кружку с водкой, которую он метнул в себя, и после чего просто отрубился. Ха-ха! Солдатский юмор – вещь грубая! Очнувшись, он сказал: «Густы, ты что, захотел меня убить?» Ну и ржали мы тогда, просто до колик в животе.

Позднее он отыгрался на нас. Шел осмотр наших противогазов. Некоторые к тому времени уже повыбрасывали свои противогазы, а в коробках держали свои бумаги, потому что они были водонепроницаемыми. Перед осмотром те солдаты, которые выбросили свои противогазы, одалживали их в соседних ротах. Я, однако, свой так и не выбросил. В то время как все метались в поисках противогазов, я спокойно отдыхал. Наступила инспекция, снимаю крышку. Шарфюрер залезает в коробку и достает оттуда пару женских трусов! Здоровенные трусы, на корову бы налезли. Стоит, смотрит на них, они развеваются на сквозняке. То есть, стащили у меня противогаз. Точнее, это Гэнценбиттель стащил. Однако командиров это совсем не развеселило, хотя шарфюрер, похоже, готов был посмеяться. Инспекция окончилась, нам дали наряды – послали копать ямы для танков.

Если вы не хранили свои бумаги в противогазной коробке, где вы их держали?

Я хранил письма в карманах кителя, но было их немного. Прочие бумаги я держал в кобуре пистолета. Когда ты в тяжелом зимнем обмундировании, бумаги из карманов достать почти невозможно, а кобура всегда под рукой. Ну и была она почти непромокаемой.

Самое тяжелый момент войны для вас?

Массированная атака русских в метель. Это был мой первый большой бой. Перед собой мало что видишь. Русские появляются из снежной пелены волнами. Кричат. Мы лежим за пулеметом и укладываем их, но они продолжают атаковать.... Нам приходилось менять ствол пулемета, чтобы он не расплавился. Ствол раскалялся так, что он обжигал руки сквозь перчатки, когда мы меняли его...

Вы собирали сувениры?

Нет, но после войны мои дети притаскивали домой всякий хлам: ржавые каски, оружие, гранаты. Я наказывал их за это, но для них это были всего лишь игрушки ...

Вы пели песни в своей части? Помните какие-нибудь из них?

Да, мы пели довольно часто. Помню песенки *Erika* и *Der Blaue Dragoner*. Их было намного больше, но я ничего другого не могу вспомнить. Уже много лет их не слышал. Недавно я услышал *Der Blaue Dragoner* по телевизору. Это поразило и расстроило меня ... Я не помню, чтобы мы пели песни на передовой: мы были слишком заняты, и было слишком холодно для этого. Мы любили слушать радио. По радио звучало много хорошей музыки, для определенных видов музыки было определенное время, почти как концерты. Мы слушали классическую музыку, такую как Бетховена или Вагнера. Кроме того, для нас устраивали представления артисты или певцы. Один комик, помню, произнес какие-то шутки о французах, и, само собой, нам это не очень понравилось. Потом он переключился на русских солдат. Это тоже как-то не пошло, потому что в русских солдатах ничего смешного не было. Хотелось заорать на него: «Если ты считаешь, что они такие смешные, двигай на фронт, тогда послушаем, что ты о них будешь думать!»

Какой была ваша униформа и каким было снаряжение?

Каска, форма, ремень, *brotdbeutel* (хлебный подсумок), котелок. Все как обычно. Зимой нам выдавали толстые сапоги, как у русских, но у наших были кожаные подошвы. Сапоги русских быстро разваливались, наши держались хорошо.

Что вы думаете сейчас о времени, проведенном на войне?

Война пришла, я оказался на ней, то же самое случилось очень со многими людьми моего поколения. Вы, американцы, очень наивны! Ну взять вашу наклейку на бампере: «А что если они затеют войну, а на нее никто не явится?» Можно подумать, что от войны можно спрятаться, когда бой идет на твоём заднем дворе...

<http://www.dererstezug.com/VetGustav.htm>

РАССКАЗЫВАЕТ СОЛДАТ WAFFEN SS ЭРИХ БИССУАР (ERICH BISSOIR)

В сентябре 1942 г. Гитлер приказал всем членам организации *Hitlerjugend*/Гитлерюгенд начать боевую подготовку в военных лагерях *Waffen-SS*. 17-летний Эрих Биссуар, уроженец города Нойштадт-ан-дер-Вайнштрасе (*Neustadt an der Weinstraße*), оказался среди будущих эсэсовцев. После шестинедельного обучения он формально стал солдатом *Waffen SS*, но был снова отправлен домой.

Военная служба для Эриха началась через девять месяцев, 15 июня 1943 г. в городке Бич/Bitche, Франция. После прохождения 2½-месячного курса боевой подготовки он и его товарищи были отправлены в место под названием Mailly-le-Camp/Майй-ле-Кан (Франция), где формировался 12-й Бронетанковый полк SS. Эрих прошел подготовку в качестве Kradschütze (солдат моторизованной пехоты). В январе 1944 г. полк был переброшен в Бельгию, присоединившись к дивизии Waffen-SS Hitlerjugend. Боевая подготовка продолжалась еще несколько месяцев до весны 1944 г., после чего дивизия была возвращена во Францию. В районе городка Эврё/Evreux дивизия, получившая среди союзников прозвище *Baby Division**, стала готовиться к отражению высадки англо-американцев...

6 июня 1944 г. около 2 ночи наша рота была поднята по тревоге. Когда мы были готовы выступить, нам сказали, что союзники начали высадку. Место нашей дислокации оказалось в 130 км от участка высадки, где нам предстояло столкнуться с противником. Нам, молодых ребят, ждало боевое крещение. Все наши офицеры были обстрелянными ветеранами, и мы были уверены в том, что выполним приказ.

Задачей нашего моторизованного рекогносцировочного взвода была разметка путей перемещения войск в соответствии с директивами штаба полка. Мы устанавливали тактические дорожные знаки, так называемые знаки Wünsche (по имени командира полка Макса Вюнше/Max Wünsche), на перекрестках дорог.

Со дня высадки мы определенно ощущали господство союзников в воздухе. Все наши машины были замаскированы ветками так, что выглядели как передвигающиеся заросли кустарника. Снова и снова нам приходилось прятаться в придорожных кюветах, поскольку штурмовики союзников обстреливали все, что двигалось. Впервые в жизни я почувствовал, что такое огневая мощь авиации. Всюду и везде по обочинам дорог были видны поврежденные и уничтоженные атаками с воздуха машины. Нам приходилось объезжать горящие груды металла, стараясь держаться как можно дальше от них, чтобы не пострадать от возможных взрывов боеприпасов. Мы были практически беззащитны перед атаками вражеских самолетов и могли перемещаться только ночью или рано утром, когда стоял туман.

Sandwich: Bild 1011-720-100453
Foto: Vörsenmann, Wolfgang I. Juni 1944

Разбитая техника на одной из дорог Нормандии. 1944 г.

Но и союзники несли потери. Как-то я видел, как зенитчики сбили два самолета, летевшие на небольшой высоте. Летчик из второй машины сумел выпрыгнуть, но упал на землю неподалеку от нас, не успев раскрыть парашют. От бедного парня мало что осталось: что-то похожее на бесформенный мешок с картошкой.

Дивизия заняла позиции к западу от [Кана](#)/Caen. Штаб полка расположился в монастыре. Оттуда Макс Вюнше (Max Wünsche) руководил действиями своих солдат, оборонявших аэродром *Carpique*.

Я был постоянно в дороге, на своем мотоцикле, доставляя пакеты и развозя офицеров или военных корреспондентов. Без хорошего знания местности, в условиях постоянного перемещения войск, было нелегко находить путь к командным пунктам наших рот. Труднее всего было передвигаться ночью. Фару использовать было нельзя, и мне приходилось высматривать в темноте раскаленные докрасна выхлопные трубы танков где-то впереди. Кроме того, я часто бывал так измотан, что обращал внимание на воронки от бомб и снарядов слишком поздно или проезжал впритирку к стенам. Спал я совсем мало, и, когда появлялась возможность, ложился и отдыхал где придется. Иногда я просто ложился на мотоцикл – спиной на седло, головой на запасное колесо и ногами на руль.

Вдоль шоссе и железной дороги между Каном и Байё/Bayeux шли ожесточенные бои. Немцы оборонялись, удерживая позиции под напором значительно превосходящих их в численности британцев и канадцев. Но главная проблема оборонявшихся заключалась не в недостатке сил, а в отсутствии прикрытия с воздуха, что крайне затрудняло какие-либо перемещения войск.

Вдоль железнодорожной насыпи близ городка Вильнев (Villeneuve) проходила грунтовая дорога, по которой я решил проехать к расположению танков 1-го Батальона. Я постоянно натывался на уничтоженные противником машины, что замедлило мое продвижение, но другого пути не было. Танки вели бой, и густой дым от горящих боевых машин сильно затруднил поиски командирского танка. Я нашел его и, радуясь тому, что передал приказ командования, быстро выбрался из этого бедлама. По дороге назад я подобрал двоих раненых и отвез их на ближайший перевязочный пункт. После такого дня я был просто счастлив, что у меня есть несколько часов для сна в безопасном месте: в каком-нибудь подвале или под танком.

С 24 по 26 июня штаб танкового полка находился в месте под названием *Pope/Rauray*, при этом взвод Эриха расположился в находившемся поблизости саду.

В поисках подходящего места для того, чтобы окопаться, мы нашли склад спиртного, когда-то принадлежавшей голландской фирме Bols. В нем был большой набор всевозможных крепких напитков – соблазн, перед которым было невозможно устоять. Мы так увлеклись, что не заметили расположенную рядом батарею реактивных минометов. Батарея после каждого залпа моментально перемещалась на новое место, поскольку противник теперь мог легко разглядеть ее позицию по дымным трассам. Уже через очень короткий промежуток времени артиллерия союзников открыла огонь по нашим, теперь уже, бывшим соседям, так что нам пришлось нырнуть в наши окопчики. Далее я помню, что мои товарищи нашли меня спящим в окопе под куском брезента. Уж не знаю, что это было: усталость или выпитое спиртное...

Будущи посыльным, я один раз стал свидетелем атаки британцев на наши позиции. Находясь в укрытиях, мы встретили их пулеметным огнем, и, понеся большие потери, они отошли. Вторая волна была поддержана танками, и опять британцы понесли большие потери в людях и технике. Только после серии упорных атак противника мы были вынуждены отступить. На нашем участке обороны между Фонтене/Fontenay и Сен-Манвьё/St.Manvieu мы сильно уступали противнику в численности. Речь не шла о каком-то балансе сил в воздухе, поскольку самолетов Люфтваффе в небе практически не было...

Из-за подавляющего численного превосходства наступающих сил союзников наши танки и штаб полка были вынуждены постоянно перемещаться. Каждое перемещение требовало отправки посыльного в боевое подразделение. Езда на большой скорости была невозможной, поскольку всюду и везде были воронки и убитая скотина. Солнце было немилосердно, и вонь от нее была ужасной. Все это выглядело мрачно – убитые коровы с ногами, торчащими вверх.

Мне также полагалось возить на участки боев оберштурмбанфюрера Вюнше. В большинстве случаев он вел мотоцикл сам, я же сидел в коляске, поскольку помимо курения сигар он обожал водить мотоцикл! Это был требовательный офицер, иногда я в душе желал, чтобы он сгорел в аду. Однажды, например, он забыл свои сигары в штабе и отправил меня обратно за ними... Но я видел, как он заботится о своих солдатах, видел, что он никогда не бросает раненых или убитых, и мой гнев утихал, а на его место возвращалось уважение к этому человеку.

Наиболее ожесточенные бои разгорелись в районе Высоты 112 близ Мальто/Maltot. Британцы и канадцы взяли эту высоту после невероятного по своей интенсивности артобстрела. Утром 10 июля я привез оберштурмбанфюрера Вюнше в расположение танкистов, которые выстраивались за насыпью в линию, готовясь к контратаке. Роща, расположенная на вершине этого холма, была занята бронетехникой противника. После обстрела из реактивных минометов наши танки пошли в атаку, на ходу поливая противника огнем. Нам удалось отбить у врага эту высоту, хотя и ненадолго.

Как только наша пехота заняла позицию на вершине холма, Томми пошли в контратаку. Я помню, что эта вершина – Высота 112 - переходила из рук в руки несколько раз с огромными потерями для обеих сторон. Наш моторизованный взвод тоже понес потери, хотя мы едва ли когда-либо принимали участие в боях на передовой. Наши потери были следствием артогня противника и его атак с воздуха. Мы получали такие приказы, что приходилось разъезжать по открытым дорогам, на которых едва ли можно было найти какое-либо укрытия от рысущих повсюду Тайфунов и Спитфайров. Наши маршруты часто были дальними и охватывали весь сектор боевых операций нашей дивизии, поэтому обычно мы узнавали о том, что кто-то из наших погиб, только через несколько дней после случившегося...

Посетив Нормандию в 1994, я обнаружил памятник погибшим британцам и канадцам на обочине дороги, прямо у подножия Высоты 112. Я также заметил венок с названием немецкой дивизии Hohenstaufen рядом с памятником. Здесь солдатские кладбища союзников и немецких солдат выглядят превосходно, здесь нет никаких провокационных граффити, как это водится в самой Германии. Очевидно, что французы с большим уважением относятся к мертвым врагам, чем сами немцы к своим погибшим солдатам у себя дома...

В ходе шестинедельных боев дивизия *Hitlerjugend* потеряла 5 000 солдат и офицеров. После этого она была отведена для перегруппировки и отдыха. Люди и техника, которые, как предполагалось, пополнят дивизию, так и не прибыли из-за постоянных атак авиации союзников на пути снабжения. Всего лишь после одной недели отдыха солдаты и офицеры снова были брошены в бой. Теперь остатки дивизии вели бои вдоль шоссе 158 Кан-Фалез (Falaise).

Следующее наступление союзников началось с массированных воздушных атак. Множество танков было уничтожено прямыми попаданиями или временно выведено из строя, так как оптические приборы и моторы были запылены и засыпаны песком. Как-то раз, мы продвигались в сторону Канны/Caen в сумерках, чтобы разглядеть, где находится противник и каковы его силы. Видимость была столь плохой, что мы увидели части противника, когда уже просто въехали в их расположение. Британцы и канадцы были так заняты подготовкой к очередной атаке, что не заметили нас сразу - мы повернули на полном газу помчались к своим. На следующее утро нам удалось остановить атаку союзников, в которой они потеряли около 60 танков.

7 августа боевая группа, в составе которой находился Эрих, была перемещена в Бретвиль-сюр-Лез/Bretteville-sur-Laize, к западу от шоссе N-158. Штаб немцев теперь располагался в Шато (Chateau - Усадьбе? - ВК) Кенуа (Quesnay).

На следующее утро британские танки атаковали наш штаб с северо-запада. Атака была отбита без каких-либо потерь с нашей стороны. Экипажам двух британских танков крайне не повезло. Пытаясь скрыться за постройками фермы, они увязли в выгребной яме. Британцы покинули свои машины и убежали. У нас появилась возможность раздобыть в дополнение к нашим rationам кое-какие продукты, которые британцы, бросили внутри танков. Кроме того, один из наших старших офицеров гауптштурмфюрер Шлаусс (Schlauß) одурачил противника, сообщив по радио о наличии у нас большего количества танков, чем мы имели на само деле.

В Шато Кенуа, вместе с несколькими товарищами, я получил Железный Крест II Класса и следующий чин.

Ранним утром 10 августа я получил приказ отправляться в расположение небольшого отряда, находившегося близ городка Отемениль/Hautemesnil. Я вел мотоцикл вдоль шоссе N-158, из-за воронок и сожженных машин продвигаясь очень медленно. На вершине небольшого холма между Кенуа и Ланганри/Langannerie я приостановился, чтобы сориентироваться. Усевшись на мотоцикл, чтобы тронуться в путь, я неожиданно оказался под огнем. Я почувствовал сильный удар по левой руке и слетел с мотоцикла в коювет. Затем я увидел две бронемшины M5 Greyhound на расстоянии примерно 500-600 ярдов к северо-востоку от дороги. Я не стал высовываться и дождался, пока они не исчезли из поля зрения. Вновь собравшись тронуться в путь, я почувствовал действительно сильную боль - я просто не мог двинуть руку. Мотоцикл тоже был поврежден, и осколки металла попали мне в руку и верхнюю часть тела. Я вернулся в штаб пешком и сообщил о случившемся. Наш санитар – унтершарфюрер Фабиан (Fabian) обработал мои раны и отвел меня в полевой госпиталь.

На этом сражение за Нормандию для Эриха Биссуара закончилось. Он был отправлен в Германию, несколько месяцев поправлялся и уже не вернулся в свою дивизию. 12 апреля 1945 г. он сдался в плен американцам, в феврале 1946 г. был переведен во французский лагерь для военнопленных. Домой он вернулся в мае 1949 г.

Эрих Биссуар во время встречи с ветеранами союзных войск

В 2010-м Эрих Биссуар снова побывал в Нормандии, на местах боев. Здесь он встретил нескольких британских и канадских ветеранов. Сказав, что когда-то они были врагами, Эрих, к своему удивлению, услышал от одного из канадцев, что «мы, солдаты, никогда не были врагами, врагами были наши правительства.» Британские ветераны пригласили Эриха для дружеской беседы к себе в отель. На следующий день, 6 июня, Эрих принял участие в траурной церемонии в память о погибших.

- - -

*Эсэсовцы из Baby Division отметились серией расправ над мирными жителями (1 апреля 1944 г., убито 86 человек) и канадскими военнопленными (7-8 июня 1944 г. убито 19 человек)

<http://d-dayrevisited.co.uk/veterans/erich-bissoir.html>

https://en.wikipedia.org/wiki/12th_SS_Panzer_Division_Hitlerjugend

https://en.wikipedia.org/wiki/Ardenne_Abbey_massacre

РАССКАЗ НЕИЗВЕСТНОГО ОФИЦЕРА WAFFEN SS

Американский солдат Джон Фрэнкемолл (John Frankemolle) высадился на [пляж Омаха](#) (Omaha Beach) вскоре после первой волны десанта, чтобы доставить боеприпасы наступающим войскам.

Как-то раз он охранял группу пленных немцев, когда офицер-разведчик передал ему отчет о допросе военнопленного (Interrogation of Prisoner of War (IPW) report). Офицер приказал Фрэнкемоллу держать бумаги при себе и вернуть после прочтения, но после этого солдат и офицер так и не пересеклись: большую часть времени, проведенного им на Европейском театре военных действий, американец прослужил артиллеристом на транспортном судне. Солдат сохранил этот документ, и 70 лет спустя его семья опубликовала его. Документ оказался переводом записей, сделанных штабным офицером SS в

присутствии допрашивавших его американцев. Фрэнкемолл так и не узнал имя немецкого офицера...

Джон Фрэнкемолл (показан зеленой стрелкой) на борту десантного судна на пути к плацдарму Омаха

7 июня 1944 г. 17-я Бронетанковая Дивизия *SS Götz Von Berlikingen* получила приказ выдвинуться из места дислокации близ городка Туар/Thouars в район высадки союзников в Нормандии. Все были в хорошем расположении духа и рвались в бой, довольные тем, что предшествовавший высадке период неопределенности и ожидания наконец закончился. Некоторые полагали, что это – только повторение истории, имевшей место в районе Дьеппа. Тогда союзники ушли после того, как немцы продемонстрировали им свою мощь. Думали, что, вероятно, дивизия прибудет на место слишком поздно, чтобы принять участие в сражении.

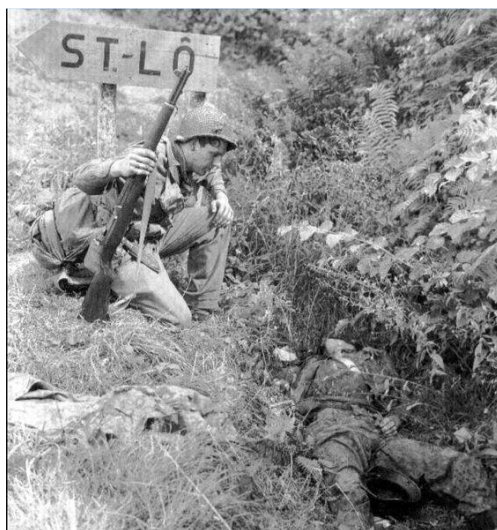
Наши моторизованные колонны продвигались к месту высадки. Под рев моторов и грохот гусениц панцер-гренадеры снова чувствовали себя в своей тарелке. И тут случилось то, что привело нас в ступор. Вдоль колонны в небо взлетели языки пламени и клубы пыли. Все посыпались с машин и начали разбегаться по окрестным полям. Несколько машин горело. Атака прекратилась так же неожиданно, как и началась 15 минут назад. Люди начали возвращаться к дороге, побледневшие, потрясенные и удивленные тем, что уцелели под этим дождем свинца. Было ли это предзнаменованием того, что ожидало нас в ближайшем будущем? Так нас в первый раз атаковали *JABO* (от немецкого *jagdbomber* – *истребитель-бомбардировщик*). В маршевой колонне полностью исчез какой-либо порядок, и каждый старался держаться в стороне, как можно дальше от нее. Но слишком скоро и это оказалось бесполезным, потому что через час все повторилось снова, но на этот раз все было гораздо хуже. Когда повторная атака завершилась, вся дорога оказалась усеянной разбитыми пушками (противотанковыми - то, чем гордилась наша дивизия), горящими машинами, техникой и снаряжением...

Нас проняло: противник, высадившийся на побережье Нормандии, - это другой противник. Марш был остановлен, всю технику попрятали в зарослях кустарника и стогах сена. Никто больше не осмеливался высунуть свой нос на открытую местность. Все это сильно отличалось от того, что мы ожидали. Если это происходит с нами сейчас, что же ждет нас на линии фронта? Нет, это не было похоже на отвлекающий десант. Это был наш первый опыт столкновения с новым противником – с американцами.

За несколько следующих дней мы обнаружили, насколько хорошо новый противник знает свое дело. Хотя теперь мы продвигались только по ночам и по второстепенным дорогам, к которым подступали живые изгороди или заросли кустарника, мы постоянно натывались на то, что оставалось после воздушных атак и однозначно указывало на то, что кто-то, в отличие от нас, не извлек горький урок из всего происходящего. Через 5 дней мы заняли сектор обороны в районе городка Перье/Periers. Штаб дивизии, в составе которого был я,

потихоньку проехал в небольшую деревню, намереваясь замаскироваться в ней как можно лучше. Но теперь эта напасть по имени JABO стала еще более серьезной проблемой. Не было часа в дневное время, когда над нами с душераздирающим ревом не пронеслись бы поливающие нас огнем самолеты врага. И куда бы ты ни посмотрел, всюду были клубы дыма — над горящими машинами, над складами горючего и боеприпасов. Рядовой солдат начал задумываться: чем все это кончится? Что делается для борьбы с этим? Где Люфтваффе, почему наши самолеты не вступают в бой уже несколько дней подряд? Если солдат спрашивал командиров об этом, они пожимали плечами и говорили, что немецкие самолеты вступят в бой в нужный момент. Но этот момент так и не пришел. Вместо этого до нас с побережья докатилась волна санитарных машин, переполненных ранеными. Когда солдаты стали задавать вопросы все более настойчиво, им, в конце концов, сказали, что Люфтваффе ведет боевые действия на сопредельных участках, где ситуация еще более сложная по сравнению с нашей. На какое-то время эта отговорка успокоила солдат, но когда стали случаться контакты с военнослужащими с других секторов фронта, солдаты узнавали, что и там отсутствие в воздухе наших самолетов бросается в глаза.

Ситуация стала усугубляться и тем, что артиллерия американцев усиливала обстрелы день ото дня. Корабельные орудия терзали наши оборонительные линии, при этом ответить им было нечем. Все более часто звучали жалобы на то, что на наших батареях кончаются снаряды, что вооружение требует замены, что нарушена связь. Надежды на то, что нам удастся сбросить американцев в море сменились надеждами на то, что нам удастся удержать свои оборонительные рубежи. И тогда случился крупный прорыв американцев [в направлении города Кутанс/Countances](#). Судьба германского солдата была решена...

*Американский пехотинец рассматривает труп эсэсовца из 17-й Дивизии
(<https://uk.pinterest.com/pin/559713059914557186/>)*

Вначале отступление в нашем секторе шло упорядоченно. В Лозон (вероятно, Монрей-Сюр-Лозон/Montreuil-Sur-Lozon - ВК) нам удалось задержать противника на 8 дней, но наши полки понесли такие потери, что мы уже не могли оказывать сколь-нибудь эффективное сопротивление. Героическими усилиями, ценой огромных потерь мы сумели закрепиться на небольшом участке к северо-западу от Мариньи/Marigny и держать там оборону целых 8 дней. В это время штаб дивизии находился в Ле Лоре/Le Logau и, в основном, не имел связи со своими подразделениями. Итак, произошло следующее: после опустошительной ковровой бомбежки, которую 26 июля осуществили 2000 бомбардировщиков на нашем секторе фронта и сопредельных участках, от нашей дивизии осталось только название... Только небольшие группы изможденных солдат добрались до места сбора в городе Мерциг/Merzig (Германия). Невозможно описать все

перенесенные тяготы, все понесенные жертвы. Никто из переживших это отступление никогда не забудет этот невыносимый кошмар, весь этот разгром, трусость и отчаяние...

<http://www.businessinsider.com/never-before-seen-document-reveals-nazi-soldiers-struggle-2014-7>

Перевод и обработка – Владимир Крупник

Возврат на главную страницу www.warsstory.org